

Бібліотека

Д. А. Червонецкій.

Мошенничество

ПО

УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНІЮ.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1906.

IV Q 6753

Д. А. Червонецкій.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
190893

Мошенничество

по

УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНІЮ.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1906.

L'escroquerie est, en effet, le protée du droit pénal moderne, le délit dans la recherche duquel le magistrat doit déployer toute la finesse d'un jurisconsulte et tout le tact d'un moraliste.

Garraud, Traité théorique et pratique du droit pénal français, t. V 1901, p. 551.

Мошенничество, какъ общественное явленіе. — Историческое развитіе имущественныхъ обмановъ въ русскомъ правѣ. — Положеніе мошенничества въ современныхъ иностранныхъ законодательствахъ. — Конструкція мошенничества въ уголовномъ уложеніи 1903 г. и ея недостатки. — Понятіе, составъ и виды мошенничества по новому уголовному уложенію.

Всякая историческая эпоха и всякій строй общественной жизни, сообразно съ характеромъ ихъ культуры, имѣють своихъ преступниковъ и свою преступность, которая возникаетъ, растетъ и мѣняется свои формы подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, общественно-экономическихъ условий.

Современная жизнь съ ея „переоцѣнкою всѣхъ цѣнностей“, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ сталкивающихся интересовъ и съ сложной системой новыхъ социальныхъ отношеній несетъ съ собою свою преступность, неизвѣстную прежнему времени. Эта преступность, стремясь приспособиться къ измѣнившимся условіямъ жизни, ищетъ себѣ „новыхъ путей“ и облекается въ „новыя формы“.

Въ области имущественной преступности, съ развитіемъ цивилизаціи, происходитъ постепенная смѣна насильственныхъ формъ похищенія имущества формами обмана. Насильственные формы имущественной преступности, возникнувъ въ первобытной общественной средѣ съ слабо развитымъ экономическимъ оборотомъ, въ наше время замѣтно вымирають, уступая мѣсто болѣе тонкимъ видамъ преступности, каковы — мошенничество, злоупотребленіе довѣріемъ, недобросовѣстная конкуренція, шантажъ и др. Въ насто-

ящее время, по замѣчанію Ломброзо, мошенничество и злоупотребленіе довѣріемъ составляютъ die modernsten Delikte, свидѣтельствующіе объ эволюціонномъ, культурномъ измѣненіи преступности, которая, утративъ жестокость, свойственную примитивному человѣку, замѣнила ее хитростью, жаждою къ наживѣ¹⁾. „Въ наши дни, — пишетъ Принсъ, — господствуютъ гуманитарныя чувства, насиліе отступаетъ передъ ними, но развитіе капитала и анонимныхъ обществъ, погоня за наживою, доведенная до крайности, породили новую преступность: фальшивые балансы, колоссальныя мошенничества, учрежденіе сомнительныхъ обществъ, фальсификацію сѣстныхъ припасовъ, всевозможные обманы“²⁾.

Ростъ имущественныхъ обмановъ, по даннымъ уголовной статистики, наблюдается въ Германіи, Австріи и Италіи. На громадное увеличеніе имущественныхъ обмановъ въ Германіи указываетъ Принцингъ³⁾, по сообщенію котораго въ 1883 г. количество осужденныхъ за мошенничество составляло 26019, а въ 1898 г. оно возросло до 46529. О ростѣ мошенничества въ Австріи говорятъ цифры, приведенныя въ изслѣдованіи Földes'a⁴⁾; изъ нихъ видно, что въ теченіе періода съ 1858 по 1887 г. имущественные обманы увеличились почти въ два раза. Съ 1887 по 1895 г. замѣчается увеличеніе имущественныхъ обмановъ въ Италіи⁵⁾. Тенденція мошенничества къ возрастанію должна быть отмѣчена и у насъ въ теченіе періода съ 1877 по 1892 г.; такъ, въ 1877 г., по даннымъ уголовной статистики⁶⁾, въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ осужденныхъ за мошенничество было 1442, а въ 1892 г. это количество увеличилось до 3415. Нужно однако замѣтить, что болѣе или менѣе постоянный ростъ наблюдается только въ области мелкихъ имуществен-

1) Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. 1902, S. 232.

2) Преступность и репрессія. Рус. пер. 1898, с. 84; Science pénale et droit positif 1899, p. 23, 71—78.

3) Sociale Faktoren der Kriminalität, Zeitschrift Листа, Bd. XXII, S. 588.

4) Einige Ergebnisse der neueren Kriminalstatistik, ib. Bd. XI, S. 668.

5) Гарновскій, Статистическія данныя о преступности въ Италіи. Ж. М. Юст. 1900, № 4, с. 57.

6) Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ съ 1873 г.

ныхъ обмановъ, подсудныхъ мировой юстиціи, между тѣмъ какъ мошенничество, подсудное общимъ судебнымъ установленіямъ, обнаруживая въ своемъ движеніи нѣкоторое колебаніе, съ 1877 по 1897 г. оставалось на одномъ и томъ же уровнѣ. Съ 1893 г. цифры имущественныхъ обмановъ у насъ уменьшаются, и въ 1902 г. количество осужденныхъ за мошенничество составляетъ 1960.

Мошенничество считается преимущественно преступленіемъ владѣющихъ классовъ, буржуазіи. По своей психологической природѣ и социальному характеру оно значительно отличается отъ кражи, составляющей, главнымъ образомъ, „подать“ четвертаго сословія, экономически обездоленнаго. — Географическое распредѣленіе имущественныхъ обмановъ показываетъ, что они преимущественно совершаются въ тѣхъ частяхъ страны, которыя наиболѣе развиты въ торгово-промышленномъ отношеніи. Въ Германіи, напр., наибольшее количество имущественныхъ обмановъ совершается на югѣ. Подобное же явленіе наблюдается и въ Австріи¹⁾. Почвой, наиболѣе благопріятной для мошенничества, по мнѣнію Берга²⁾, является не состояніе экономической угнетенности, не нужда, а, напротивъ, экономическое благосостояніе: тотъ, кто обманывается, обыкновенно имѣетъ для себя достаточно, но желаетъ имѣть еще больше. Съ увеличеніемъ богатства, по мнѣнію Ломброзо, увеличиваются и имущественные обманы³⁾. Подобнымъ же образомъ высказывается Листъ, по словамъ котораго „при благопріятномъ экономическомъ положеніи падаютъ цифры кражъ и возрастаетъ количество имущественныхъ обмановъ⁴⁾. Однако такой взглядъ на мошенничество является одностороннимъ и не объясняетъ сложной социальной природы этого преступления. Ростъ имущественныхъ обмановъ вызывается не однимъ только стремленіемъ къ наживѣ, а зависитъ отъ многихъ явленій современнаго экономическаго оборота. Ожесточенная конкуренція, биржевая спекуляція, торгово-промышленные кризисы, несущіе часто

1) Herz, Wirtschaftliche Schädigungen durch Verbrechen. Der Gerichtssaal, Bd. LXVII, 1905, S. 154.

2) Getreidepreise und Kriminalität in Deutschland seit 1882 (Abhandl. aus Krim. Semin. an der Universität Berlin), 1902, S. 265—6

3) Op. cit., S. 107.

4) Das gewerbsmässige Verbrechen, Zeitschrift, Bd. XXI, S. 128—9.

гибель и разореніе отдѣльнымъ хозяйствамъ, — все это многихъ выбрасываетъ изъ нормальной колеи и создаетъ ряды лицъ, которыя, поскользнувшись экономически, рискуютъ впасть въ преступленіе. И если такія лица прибѣгаютъ къ имущественнымъ обманамъ, то причиною преступности, очевидно, является не экономическое благосостояніе, а упадокъ въ дѣлахъ, нужда, опасность обѣднѣнія. Но мошенничество совершается не одними только обезпеченными матеріально людьми. Въ Австріи, по сообщенію Герца ¹⁾, на сто осужденныхъ за мошенничество 77 лицъ является имущественно несостоятельныхъ. По даннымъ германской статистики, въ числѣ осужденныхъ за мошенничество въ области сельскаго хозяйства, промышленности и торговли рабочіе преобладаютъ надъ лицами состоятельными въ экономическомъ отношеніи; первыхъ на 10 тысячъ населенія приходится 34,5, послѣднихъ — 23,5 ²⁾. Рядомъ съ хозяевами въ таблицахъ уголовной статистики стоятъ рабочіе, приказчики, разносчики, прислуга. Едва-ли отъ экономическаго благосостоянія зависитъ преступность этихъ лицъ. Данныя уголовной статистики скорѣе говорятъ о томъ, что здѣсь дѣйствуютъ тѣ же факторы, какіе вліяютъ на увеличеніе кражъ. Такъ, изъ таблицъ итальянской уголовной статистики можно заключить, что ростъ имущественныхъ обмановъ, подобно росту кражъ, находится въ зависимости отъ колебанія хлѣбныхъ цѣнъ ³⁾. У насъ, въ теченіе періода съ 1877 по 1902 г., наибольшее количество обмановъ было въ 1892 г.; на этотъ годъ приходится и максимумъ кражъ ⁴⁾. Такое повышеніе цифръ двухъ главныхъ видовъ имущественной преступности можетъ быть поставлено въ связь съ высокими хлѣбными цѣнами въ 1891 г. и бывшимъ въ томъ же году неурожаемъ. — Торгово-промышленные кризисы, выбрасывая на улицу массы безработныхъ, тѣмъ самымъ создаютъ благоприятную почву для имущественной преступности рабочаго класса. Въ Австріи во время кри-

1) Op. cit., S. 153.

2) Prinzing, op. cit., S. 584.

3) Fornasari di Verce, La criminalità e le vicende economiche d'Italia, 1894, p. 139, 157.

4) Тарновскій, Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаявъ на движеніе преступленій противъ собственности въ Россіи. Ж. М. Юст. 1898, № 8, с. 80—1.

зиса 1877 г., какъ показываетъ уголовная статистика, сильно возросли цифры кражъ и имущественныхъ обмановъ¹⁾. О влияніи бѣдности на ростъ имущественныхъ обмановъ, по видимому, говоритъ и то обстоятельство, что мошенничество, подобно кражѣ, въ наибольшемъ количествѣ совершается въ холодные мѣсяцы, когда нужда бываетъ особенно настоятельной; въ Германіи, напр., maximum имущественныхъ обмановъ приходится на ноябрь, декабрь, январь и февраль²⁾. — Такимъ образомъ, кромѣ стремленія къ наживѣ, въ этиологию имущественныхъ обмановъ входитъ и бѣдность, этотъ могущественный факторъ преступности.

Въ наше время уголовная реакція противъ имущественныхъ обмановъ встрѣчаетъ особенныя затрудненія: формы обманной преступности крайне измѣнчивы и разнообразны, составы преступленій еще не установлены съ надлежащею точностью, и самыя дѣянія не всегда рѣзко отличаются отъ гражданскихъ правонарушеній, находясь на рубежѣ уголовной и гражданской неправды. Преступники новѣйшей формации, прибѣгающіе въ своей дѣятельности къ утонченнымъ способамъ обмана и пользующіеся нерѣдко самимъ кодексомъ закона для того, чтобы „на законномъ основаніи“ получать имущественную выгоду, легко могутъ ускользнуть отъ репрессіи, вслѣдствіе пробѣловъ въ законѣ. Отсюда — необходимость въ законодательствѣ такого общаго понятія мошенничества, которое являлось бы для судьи надежнымъ орудіемъ борьбы со всевозможными проявлениями современной обманной преступности. Еще въ 1804 г. Фейербахъ писалъ: „ничто такъ не является необходимымъ, какъ общее опредѣленное понятіе о мошенничествѣ, которое послужило бы судѣ вѣрнымъ руководствомъ въ лабиринтѣ возможныхъ случаевъ“³⁾.

Постановленія новаго уголовного уложенія о мошенничествѣ возникли на почвѣ дѣйствующаго нашего законодательства и представляютъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ началъ, которыя намѣчались въ исторіи нашего права. При выра-

1) Herz, Die Kriminalität und die arbeitenden Volksklassen in Oesterreich. Jahrbücher Conrad's, Bd. 28, 1904, S. 798.

2) Bonger, Criminalité et conditions économiques, 1905, p. 619.

3) Kritik des Kleinschrödischen Entwurfs zu einem peinlichen Gesetzbuche, III Theil. 1804, S. 92.

боткѣ конструкціи мошенничества составители уголовного уложенія считались также со взглядами на это преступленіе важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. Въ виду этого, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію постановленій о мошенничествѣ новаго уголовного уложенія, мы коснемся кратко историческаго развитія мошенничества въ нашемъ правѣ и положенія его въ современныхъ иностранныхъ законодательствахъ.

I.

Историческое изслѣдованіе мошенничества по русскому праву показываетъ, что понятіе мошенничества, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ народномъ правосознаніи различныхъ эпохъ русской жизни было неодинаково, что терминомъ „мошенничество“ въ исторіи нашего права обозначался не только наказуемый имущественный обманъ, но и другія преступленія.

До Судебника 1550 г. нашему праву неизвѣстно было понятіе мошенничества, что объясняется соціально-экономическимъ строемъ той эпохи, не представлявшимъ благоприятной среды для развитія имущественныхъ обмановъ. Эта эпоха характеризуется, главнымъ образомъ, преобладаніемъ натурального хозяйства; здѣсь не было широкаго торгово-промышленнаго оборота, въ которомъ преимущественно культивируются имущественные обманы. Послѣдніе, хотя и существовали въ то время, однако еще не вызывали противъ себя уголовной реакціи, такъ какъ съ точки зрѣнія законодателя не являлись особенно опасными для имущественныхъ интересовъ общества. Русская Правда, напр., предусматриваетъ обманъ при продажѣ коня, но не облагаетъ его наказаніемъ, ограничиваясь гражданскимъ удовлетвореніемъ потерпѣвшаго (Дополн. ст. 1)¹⁾.

Широкое развитіе внѣшней и внутренней торговли въ XVI—XVII в.в. сопровождалось сильнымъ увеличеніемъ торговыхъ обмановъ. Писатели той эпохи — Олеарій, Флетчеръ, Герберштейнъ и др. сообщаютъ множество случаевъ торговыхъ обмановъ, ярко рисуящихъ невысокій уровень сословной морали русскаго купечества XVI—XVII в.в. Въ цѣляхъ

¹⁾ Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русск. права, В. 1-й, 1899, с. 98.

охраны имущественного оборота законодатель устанавливает целый ряд предупредительных мѣръ противъ обмана¹⁾. Но такъ какъ эти мѣры, повидимому, оказывались недостаточными, то законодатель долженъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству защиты имущественныхъ интересовъ — наказанію, признавъ имущественные обманы преступленіемъ. Царскій Судебникъ, впервые упоминающій въ нашемъ правѣ о мошенничествѣ (ст. 58), содержитъ не вполне ясное постановленіе объ этомъ преступленіи. Точное и опредѣленное понятіе о мошенничествѣ, какъ имущественномъ обманѣ, даетъ недавно открытый памятникъ — Судебникъ царя Феодора Иоанновича 1589 г.: „А хто на мошенникѣ или на оманщикѣ възыщеть того, что его омануль, и хоти его трою днемъ изымает и доведет на него, ино его бити кнутомъ, а исцева иску не правити, потому что одинъ оманываетъ, а другой догадывайся, а не мечися на дешевое“ (ст. 112). Будучи „голосомъ изъ народа конца XVI в.“ (Владимирскій-Будановъ)²⁾, Судебникъ 1589 г. содержитъ отчетливо выраженный взглядъ людей XVI в. на природу мошенничества и, такимъ образомъ, убѣждаетъ въ томъ, что генезисъ мошенничества, какъ имущественнаго обмана, относится къ законодательству XVI в.³⁾ Въ Соборномъ Уложеніи и въ Новоуказныхъ статьяхъ 1669 г. не опредѣляется составъ мошенничества, а упоминается только терминъ „мошенничество“, который, нужно думать, обозначалъ въ этихъ памятникахъ то же уголовно-юридическое понятіе, что въ XVI в. Наряду съ общей нормой о мошенничествѣ (гл. XXI, ст. 11) Уложеніе Алексѣя Михайловича содержитъ многочисленныя постановленія объ отдѣльныхъ видахъ имущественныхъ обмановъ. Такъ, по Уложенію облагались наказаніемъ обманы при продажѣ и залогахъ недвижимаго имущества (гл. XVII, ст. 34—35), обманы,

1) Фойницкій, Мошенничество по русскому праву, 1871, с. 13—18.

2) Судебникъ 1589 г. Кіевск. Унив. Изв. 1902, № 3, с. 65.

3) Въ литературѣ до послѣдняго времени преобладало иное мнѣніе по вопросу о развитіи мошенничества въ русскомъ правѣ. Согласно этому мнѣнію, высказанному впервые проф. Фойницкимъ (Мошенничество, с. 25, 28 и др.), мошенничество въ XVI—XVII в. в. было не болѣе, какъ однимъ изъ видовъ татбы, — и только въ концѣ XVIII в., со времени извѣстнаго указа Екатерины II, въ русскомъ законодательствѣ появляется понятіе мошенничества въ смыслѣ имущественнаго обмана.

совершаемые „золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ мастерами“ (гл. V, ст. 2) и др. случаи.

Въ XVIII в. продолжаются жалобы иностранцевъ на обманы, практикуемые русскими купцами въ торговлѣ. „Хотя искусство обманывать, — пишетъ Scherer¹⁾, — въ настоящее время играетъ важную роль въ торговой профессіи, но къ стыду русскихъ купцовъ нужно сказать, что они обращаютъ его въ главное и единственное свое занятіе.“ На обманной характеръ торговли указываютъ и сами русскіе-современники, замѣчая, что „купечество наше чрезъ свои обманы давно потеряло свой кредитъ у иностранныхъ“ (Госуд. арх. XIX, № 287)²⁾. Что касается законодательства и судебной практики этой эпохи, то въ нихъ утратилось ясное пониманіе мошенничества, какъ имущественнаго обмана. Понятіе мошенничества стало теперь обнимать различныя преступныя дѣянія и расплывалось въ неопредѣленной группѣ „живыхъ поступковъ“. Военскіе Артикулы Петра В. вовсе не знаютъ термина мошенничество и строятъ свои положенія о наказуемомъ обманѣ въ духѣ доктрины общегерманскаго права того времени. Въ проектахъ Елизаветинскихъ Коммиссій 1754—1766 г.г., ярко отражавшихъ въ себѣ правовую жизнь общества, мошенничество понимается въ смыслѣ обмана и мелкой карманной кражи (гл. 33, ст. 22); здѣсь же отдѣльно отъ мошенничества предусматривается цѣлый рядъ другихъ случаевъ обмана. Указъ 2 апр. 1781 г. „о судѣ и наказаніи за воровство разныхъ родовъ“ даетъ такую конструкцію „воровства-мошенничества“, въ которой понятіемъ мошенничества обнимается имущественный обманъ, мелкая кража и грабежъ безъ насилія. Эта же конструкція мошенничества безъ всякихъ почти измѣненій перешла и въ Сводъ Законовъ (т. XV, ст. 817), гдѣ наряду съ постановленіями о воровствѣ-мошенничествѣ предусматривается множество отдѣльныхъ случаевъ обмана, отчасти собранныхъ подъ рубрикою „живыхъ поступковъ“ и „подлоговъ“, отчасти разбросанныхъ въ другихъ мѣстахъ XV-го тома. Редакторы Уложенія о нак. 1845 г. отрицательно отнеслись къ опредѣленію мошен-

1) Histoire raisonnée du commerce de la Russie, 1788, p. 140.

2) Фирсовъ, Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ въ царствованіи Екатерины II, Записки Казанск. Унив. 1901, кн. II, с. 203.

ничества по Своду Законовъ, находя, что такое опредѣленіе „не соотвѣтствуетъ обыкновенному и истинному о немъ понятію. Въ семъ опредѣленіи — замѣчали они, — исчислены разныя дѣянія, изъ коихъ инья, развѣ только по прежнимъ въ прошломъ столѣтіи понятіямъ могли быть называемы мошенничествомъ“¹⁾. Выдѣливъ изъ состава мошенничества элементы грабежа и кражи и отказавшись отъ группы лживыхъ поступковъ, редакторы уложенія ограничили понятие мошенничества областью похищенія чужого движимаго имущества посредствомъ обмана. Дѣйствующее законодательство о мошенничествѣ состоитъ изъ громаднаго количества статей, лишенныхъ системы и отличающихся обычными свойствами нашего „увольняемаго въ отставку“ уложенія — казуистичностью, неясностью и противорѣчіями. Кромѣ общей формулы мошенничества, какъ обманнаго похищенія чужого движимаго имущества (Ул. о нак., ст. 1665), въ дѣйствующемъ законодательствѣ содержатся постановленія объ обманахъ въ обязательствахъ (Улож. разд. XII, гл. IV и V), торговыхъ обманахъ (Уст. о нак., ст. 173) и о множествѣ другихъ специальныхъ случаяхъ мошенничества, произвольно размѣщенныхъ по различнымъ отдѣламъ уложенія. Такое раздробленіе мошенничества является источникомъ сомнѣній и затрудненій для судебной практики²⁾, которая вынуждена строить всѣ виды мошенничества на понятіи похищенія, явно непригодномъ для характеристики состава мошенничества.

Такимъ образомъ, въ развитіи имущественныхъ обмановъ въ нашемъ правѣ замѣчается два смежныхъ теченія: параллельно съ выработкою общаго понятія мошенничества шло образованіе широкой самостоятельной группы имущественныхъ обмановъ, которая то расширялась, то суживалась въ различныя эпохи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Фойницкій, „исторія нашего права каждымъ своимъ шагомъ свидѣтельствуетъ, что прогрессъ законодательства относительно мошенничества состоялъ въ постепенномъ отрѣшеніи отъ конкретнаго въ пользу общаго“³⁾.

1) Проектъ ул. о нак. уг. и испр., внесенный въ 1844 г. въ Гос. Совѣтъ, 1871, с. 704.

2) Замѣчанія СПВ. юрид. общества на проектъ особ. части уг. уложенія. Сводъ замѣчаній, т. V, с. 134.

3) Мошенничество, с. 82.

II.

Постановленія о мошенничествѣ дѣйствующихъ иностранныхъ законодательствъ, отличаясь пестротой и разнообразіемъ, не поддаются точной классификаціи. Можно лишь вообще замѣтить, что одни изъ законодательствъ во главѣ съ французскимъ Code pénal идутъ по старому пути казуистическаго перечисленія отдѣльныхъ видовъ обмана, въ другихъ, напр. новое норвежское уложеніе, — проводится принципъ обобщенія, устанавливаются общія формулы наказуемаго обмана. Между системами французской и норвежской, какъ двумя крайними направленіями въ законодательной конструкціи мошенничества, распределяются постановленія о мошенничествѣ другихъ европейскихъ законодательствъ. — Ст. 405 Code pénal, до сихъ поръ вызывающая нескончаемыя толкованія въ французской судебной практикѣ и литературѣ, даетъ классическій образецъ законодательной казуистики въ конструкціи уголовно-наказуемаго обмана. Существенными элементами мошенничества — escroquerie, по французскому праву, являются: 1) употребленіе обманныхъ средствъ, ограниченно указанныхъ въ законѣ, 2) цѣль дѣятеля — полученіе противозаконной выгоды въ ущербъ другому лицу и 3) результатъ дѣйствія¹⁾. Средства обмана заключаются въ присвоеніи ложнаго имени и ложныхъ качествъ или въ обманныхъ уловкахъ (manoeuvres frauduleuses), „производимыхъ для убѣжденія другого лица въ существованіи ложныхъ предпріятій, мнимой власти или кредита, или для возбужденія надежды или опасенія успѣха, надежды на случай или всякое иное вымышленное обстоятельство“. Въ французской литературѣ справедливо замѣчаютъ, что своею конструкціей мошенничества уголовный кодексъ какъ бы объявляетъ премію безнаказанности тѣмъ ловкимъ изобрѣтателямъ, которые сумѣютъ открыть способы мошенничества, не входящіе въ перечень ст. 405. Большинствомъ французскихъ писателей (Garraud, Dorigny, Hériard и др.) этотъ законодательный перечень обманныхъ средствъ признается неполнымъ и безполезнымъ. Результатъ мошенничества состоитъ въ пере-

1) Garraud, Traité, t. V. p. 550; Dorigny, Étude de la loi et de la jurisprudence sur le délit constructif d'escroquerie, 1899, p. 5; Hériard, De la distinction du faux en écritures et de l'escroquerie, 1901, p. 15.

дачѣ и пріобрѣтеніи капиталовъ, движимаго имущества, обязательствъ и др. цѣнностей, указанныхъ въ законѣ. Дополненіемъ ст. 405 служитъ ст. 423 С. р., предусматривающая торговые обманы — *tromperies* въ качествѣ и количествѣ товара. — Конструкція мошенничества французскаго законодательства перешла въ бельгійскій *Code pénal*, который расширилъ понятіе обманныхъ средствъ прибавленіемъ словъ: „ou pour abuser autrement de la confiance ou de la crédulité“ (ст. 496). Нидерландское уголовное уложеніе къ средствамъ обмана относитъ не только присвоеніе ложнаго имени, званія и обманныя уловки, но и „ложныя комбинаціи“ — *combinaison de mensonges* (ст. 326). — На устарѣвшей точкѣ зрѣнія, по замѣчанію проф. Іанка¹⁾, стоитъ австрійское уголовное законодательство: понятіе мошенничества въ немъ не получило еще точной квалификаціи и смѣшивается съ подлогами, лжесвидѣтельствомъ и др. преступленіями. Средства обмана казуистически указываются въ законѣ (§ 197), который однако не придаетъ имъ исчерпывающаго значенія. Такой же характеристикѣ обмана слѣдуетъ испанское законодательство (ст. 548), гдѣ рядомъ съ ограничительнымъ перечнемъ обманныхъ средствъ допускаются и „другіе подобныя обманы“.

Инымъ характеромъ отличается конструкція мошенничества въ германскомъ, итальянскомъ и норвежскомъ законодательствахъ. Согласно § 263 германскаго уложенія, мошенничество — *Betrug* состоитъ въ „причиненіи кому-либо имущественнаго ущерба для доставленія себѣ или третьему лицу противоправной имущественной выгоды, путемъ возбужденія или поддержанія ошибки посредствомъ обольщенія ложными обстоятельствами или чрезъ искаженіе или сокрытіе истинныхъ фактовъ“. Подобное же опредѣленіе мошенничества мы находимъ въ Венгерскомъ законодательствѣ (§ 379). — Итальянское уложеніе 1889 г., отказавшись отъ французской конструкціи мошенничества, усвоенной прежнимъ итальянскимъ законодательствомъ, приняло общую формулу обмана — *truffa*: „кто путемъ хитрыхъ и обманныхъ дѣйствій (*con artifizii o raggiri atti*), съ цѣлью обмануть или обойти чужое довѣріе, вводя кого-либо въ заблужденіе, доставитъ

1) *Das österreichische Strafrecht*, 1902, S. 257.

себѣ или другому незаконную (*ingiusto*) выгоду, въ ущербъ кому-либо, — наказывается“ . . . (ст. 413). — Но самымъ характернымъ выразителемъ новаго теченія въ конструкціи мошенничества является Норвежское уложеніе 1902 года. Въ § 270 этого уложенія мошенничество опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „кто, съ цѣлью доставить себѣ или другому неправомѣрную выгоду, возбуждая или укрѣпляя заблужденіе, побудить кого либо къ дѣйствию, посредствомъ котораго сему послѣднему или тому, въ чьихъ интересахъ онъ дѣйствуетъ, наносится имущественный ущербъ — наказывается“ . . . Этой же системѣ слѣдуетъ проэктъ Швейцарскаго уголовного уложенія; для состава мошенничества въ немъ требуется — введеніе лица въ заблужденіе „посредствомъ указанія ложныхъ или неправомѣрнаго сокрытія истинныхъ фактовъ въ цѣляхъ обогащенія себя или третьяго лица, на счетъ другого“ (ст. 81). — Такова конструкція мошенничества въ иностранныхъ законодательствахъ. Разногласіе и недостатки законодательныхъ постановленій о мошенничествѣ въ значительной степени объясняются самой природой этого преступленія. *Der Betrug ist eines der schwierigsten Delikte* — замѣтилъ Kohler ¹⁾; *l'escroquerie est un délit constructif* (Dupin). Трудность выработать законодательную конструкцію мошенничества ярко сказалась на прошлогоднемъ пенитенціарномъ конгрессѣ въ Будапештѣ, обсуждавшемъ вопросъ объ „основныхъ признакахъ преступленія мошенничества“. Проф. Гарро, высказываясь въ своемъ докладѣ за расширеніе понятія мошенничества, предлагалъ объединить его въ одномъ постановленіи съ кражей и злоупотребленіемъ довѣріемъ, а въ случаѣ обособленія мошенничества отъ другихъ видовъ похищенія, — установить слѣдующую общую формулу: „всякій, кто употребитъ обманныя средства (*combinaisons dolosives*) съ цѣлью мошеннически пріобрѣсти или попытаться пріобрѣсти все или часть имущества другого, наказывается“ . . . ²⁾. Остальные докладчики также стояли за необходимость расширенія понятія мошенничества, главнымъ образомъ, въ духѣ нидерландскаго уложенія. Однако ни одна изъ предложен-

1) *Treue und Glauben im Verkehr*, 1893, S. 54.

2) *Bulletin de la Commission Penit. Intern*, L. IV, 1905; Люблинскій, VII международный пенитенціарный конгрессъ въ Будапештѣ 1905 г. Ж. М. Юст. 1905, № 9.

ныхъ конструкцій мошенничества не была принята конгрессомъ, который ограничился неопредѣленнымъ и практически безплоднымъ пожеланіемъ „въ пользу принципиальнаго пересмотра постановленій, принятыхъ въ различныхъ уголовныхъ законодательствахъ относительно мошенничества съ цѣлью согласованія ихъ съ прогрессомъ финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеній, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе послѣдняго вѣка.“

III.

Въ процессѣ историческаго развитія имущественныхъ обмановъ по русскому праву уже намѣчался болѣе или менѣе тотъ путь, по которому должно идти преобразование нашего законодательства относительно мошенничества.

Предъ составителями новаго уголовного уложенія стояла задача, завѣщанная исторіей; имъ предстояло „довести историческое развитіе до конца“ путемъ объединенія всѣхъ имущественныхъ обмановъ въ общемъ понятіи мошенничества. Къ этому преимущественно сводились и указанія нашей судебной практики, свидѣтельствующей о несовершенствѣ дѣйствующаго законодательства объ имущественныхъ обманахъ и о необходимости ихъ объединенія. Въ частности, судебной практикой указывалось на непригодность для характеристики мошенничества термина „похищеніе“ и на необходимость законнаго опредѣленія понятія обмана, какъ способа мошенничества. „Если опредѣленія юридическихъ понятій, — говорится въ замѣчаніяхъ на дѣйствующее законодательство чиновъ судебного вѣдомства, — вообще болѣе нужны въ наукѣ, чѣмъ на практикѣ, то они все таки необходимы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о проступкахъ неудобно опредѣлимыхъ, какимъ является именно обманъ“¹⁾.

Редакторы новаго уголовного уложенія правильно взглянули на свою задачу, полагая „всѣ виды имущественнаго обмана объединить въ одно понятіе мошенничества, сообщивъ ему болѣе широкій объемъ, чѣмъ какой онъ имѣетъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, именно включеніемъ въ него

1) Матеріалы для пересмотра нашего уг. законодательства, т. III, с. 441; т. II, с. 405. Сводъ замѣчаній на проектъ особ. части уг. уложенія, т. IV, с. 381.

всѣхъ обмановъ по договорамъ, и давъ ему соотвѣтствующее въ самомъ законѣ опредѣленіе“¹⁾).

Установленіе въ уложеніи единого понятія мошенничества въ замѣнъ казуистики дѣйствующаго законодательства, отвѣчая потребностямъ судебной практики, вмѣстѣ съ тѣмъ является вполне рациональнымъ съ уголовно-политической точки зрѣнія. Соціальная сторона мошенничества — его ростъ и въ ширь, и въ глубь общественной жизни, разнообразіе формъ и видовъ обманной преступности — все это говоритъ о серьезной опасности, представляемой мошенничествомъ для современнаго имущественнаго оборота. Но мошенничество — преступленіе будущаго: въ соціально-экономическихъ условіяхъ развивающейся жизни коренятся ростки новой обманной преступности. Для борьбы съ такою преступностью недостаточны казуистическія постановленія, — законодатель не въ состояніи въ нихъ предусмотрѣть всѣ формы обмана, какія создастъ жизнь; необходимы общія формулы мошенничества, которыя не оставляли бы въ законѣ пробѣловъ въ пользу преступниковъ наиболѣе ловкихъ и опасныхъ.

При выработкѣ конструкціи общаго понятія мошенничества между членами редакціонной комиссіи произошло разногласіе. Въ то время, какъ одинъ изъ членовъ комиссіи, проф. Фойницкій, находилъ, что при принятіи комиссіей объединенія имущественныхъ обмановъ необходимо единое опредѣленіе для мошенничества, большинство высказалось за расчлененіе общаго опредѣленія мошенничества на обманное похищеніе движимости, обманное побужденіе по имуществу и торговые обманы. Соображенія, которыя приводились большинствомъ комиссіи въ защиту проектируемой имъ конструкціи, не представляются убѣдительными. Не отрицая теоретической правильности и соотвѣтствія съ предположеніями Комиссіи общаго опредѣленія мошенничества, предлагаемаго Фойницкимъ, большинство Комиссіи тѣмъ не менѣе находило, что такъ какъ „понятіе мошенничества по проекту образовалось изъ болѣе узкаго понятія мошенничества по дѣйствующему законодательству въ смыслѣ похищенія посредствомъ обмана чужаго движимаго имущества съ

1) Объясн. зап., т. VII, 1895, с. 372.

присоединеніемъ къ нему обмановъ въ договорахъ и обязательствахъ, то совершенно естественно ввести въ общее опредѣленіе его оба эти момента, именно похищеніе и обманъ договорный, чѣмъ будетъ достигнута въ наибольшей степени наглядность и ясность его для судебной практики; затѣмъ въ тѣхъ же видахъ представляется полезнымъ въ общемъ опредѣленіи мошенничества упомянуть объ обмѣрахъ, обвѣсахъ и иныхъ торговыхъ обманахъ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, что и эти случаи относятся по проекту къ мошенничеству¹⁾. — Въ заботахъ о конкретности и наглядности законодательныхъ постановленій для судебной практики редакторы уложенія пошли, кажется, дальше, чѣмъ это необходимо: врядъ-ли въ самомъ дѣлѣ много найдется такихъ судей, для которыхъ „полезно“ было бы специальное указаніе закона о принадлежности торговыхъ обмановъ къ мошенничеству въ то время, когда законъ вполне опредѣленно признаетъ всякій обманъ достаточнымъ для состава мошенничества. Неправильное съ теоретической точки зрѣнія, обособленіе въ законѣ торговыхъ обмановъ является излишнимъ и для цѣлей судебной практики.

Едва-ли также можно одобрить „совершенно естественное“, по мнѣнію редакторовъ уложенія, введеніе въ общее опредѣленіе мошенничества специального указанія на обманы въ договорахъ и обязательствахъ. Ссылка на дѣйствующее законодательство мало убѣдительна: въ своей созидательной, творческой работѣ законодатель не зависитъ отъ постановленій дѣйствующаго кодекса, обреченнаго на сломку; уголовно-политическій матеріалъ онъ черпаетъ изъ другихъ источниковъ. Въ дѣйствительности же между обманнымъ пріобрѣтеніемъ движимаго имущества и договорными обманами трудно установить не только какое-либо принципиальное различіе, но и болѣе или менѣе рѣзкую границу. Это понимали и редакторы уложенія, правильно замѣчая, что „собственно вся область обмана есть обманъ въ договорахъ, и другого обмана не имѣется“²⁾.

Такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемаго единого понятія мошенничества, послѣднее является въ уголовномъ уложеніи

1) Объясн. зап., с. 374.

2) Объясн. зап., с. 372.

расчлененнымъ на три главныхъ вида. Такое искусственное дѣленіе мошенничества въ сущности повторяетъ лишь систему мошенничества дѣйствующаго законодательства и, вопреки намѣреніямъ редакторовъ уложенія, грозитъ тѣми же затрудненіями судебной практикѣ, какія вызываются дѣйствующимъ законодательствомъ.

На основаніи приведенныхъ выше соображеній большинства Коммиссіи была составлена ст. 591 уголовного уложенія, согласно которой къ мошенничеству относятся: 1) похищеніе посредствомъ обмана чужого движимаго имущества, съ цѣлью присвоенія; 2) похищеніе чужого имущества, съ цѣлью присвоенія, посредствомъ обмѣра, обвѣса или иного обмана въ количествѣ или качествѣ предметовъ при куплѣ-продажѣ или иной возмездной сдѣлкѣ; 3) побужденіе посредствомъ обмана, съ цѣлью доставить себѣ или другому имущественную выгоду, къ уступкѣ права по имуществу или ко вступленію въ иную невыгодную сдѣлку по имуществу.

Разсматриваемая съ редакціонной, технической стороны своихъ постановленій, ст. 591 представляетъ рядъ недостатковъ, вслѣдствіе чего едва-ли судебная практика оцѣнитъ въ ней „наглядность и ясность“, о которыхъ заботились редакторы уложенія. Кромѣ оставшихся отъ дѣйствующаго законодательства весьма замѣтныхъ слѣдовъ казуистики, существеннымъ недостаткомъ ст. 591 нужно признать употребленіе въ ней термина „похищеніе“, который, какъ справедливо уже замѣчалось въ литературѣ¹⁾, не соотвѣтствуетъ полученію виновнымъ имущества посредствомъ обмана и можетъ повести къ коллизіи мошенничества съ кражею. Похищеніе означаетъ взятіе чужого имущества, — тайное или открытое, — вопреки согласію владѣльца. Между тѣмъ въ мошенничествѣ предполагается добровольная передача или уступка имущества лицомъ, введеннымъ въ заблужденіе.

Неудачнымъ также является принятый уложеніемъ терминъ „побужденіе“, такъ какъ онъ характеризуетъ не столько оконченное преступное дѣяніе, сколько покушеніе на мошенничество и можетъ способствовать на практикѣ смѣшенію этихъ двухъ стадій преступленія.

1) Фойницкій, Мошенничество, с. 183; Сергѣевскій, О мошенничествѣ по русскому дѣйствующему праву, Юр. Лѣтопись, 1890, Ноябрь, с. 403.

Но болѣе важнымъ недостаткомъ разсматриваемой статьи мы считаемъ отсутствіе въ ней опредѣленія понятія обмана. Въ этомъ отношеніи уголовное уложеніе занимаетъ исключительное мѣсто среди дѣйствующихъ законодательствъ. Даже Норвежское уложеніе, при всей широтѣ и абстрактности даваемого имъ опредѣленія мошенничества, не могло обойтись безъ указанія нѣкоторыхъ элементовъ обмана. Въ Германскомъ же уложеніи содержится полное, исчерпывающее опредѣленіе обмана, которое могло бы послужить образцомъ и для нашего уложенія. — Подобно дѣйствующему законодательству, уголовное уложеніе для состава мошенничества считаетъ достаточнымъ всякій обманъ, что является вполне правильнымъ теоретически и цѣлесообразнымъ съ уголовно-политической точки зрѣнія. Законъ не въ состояніи а priori, разъ на всегда провести грань между обманомъ уголовнымъ и ненаказуемыми обманными дѣйствіями; дѣло суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ признать преступность обмана: это сфера судейскаго усмотрѣнія, здѣсь проявляется юридическій тактъ судьи. — Широкая наказуемость имущественныхъ обмановъ находитъ себѣ признаніе и въ нашемъ народномъ правосознаніи, какъ это можно видѣть изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, облагающихъ наказаніемъ всякій вообще имущественный обманъ ¹⁾. — Но употребляя для характеристики способа дѣйствія въ мошенничествѣ одинъ лишь терминъ „обманъ“, уголовное уложеніе не даетъ суду твердой почвы при квалификаціи отдѣльныхъ случаевъ обманной преступности. Выраженіе „обманъ“ отнюдь не представляется такимъ опредѣленнымъ и яснымъ, чтобы можно было ограничиться одною только терминологіей. И теорія, и судебная практика одинаково говорятъ о томъ, что понятіе обмана далеко не безспорно и нуждается въ точномъ опредѣленіи. Вотъ почему введеніе уголовнымъ уложеніемъ въ конструкцію мошенничества элементовъ обмана едва-ли оказалось бы лишнимъ для нашей практики, небогатой общими уголовно-юридическими понятіями. Между тѣмъ, уложеніе предоставляетъ всецѣло судебной практикѣ установленіе этого понятія и, такимъ образомъ, возвращаетъ ее къ тому хаосу

1) Оршанскій, Народный судъ и народное право. Ж. гр. и уг. пр. 1875 № 4, с. 166 7.

сенатскихъ рѣшеній о мошенничествѣ, который издавно служилъ у насъ источникомъ разногласій и противорѣчій.

IV.

Съ точки зрѣнія доктрины и большинства современныхъ законодательствъ, мошенничество можетъ быть опредѣлено, какъ умышленное противозаконное пріобрѣтеніе чужого имущества посредствомъ обмана, т. е. посредствомъ введенія лица въ заблужденіе или укрѣпленія его въ возникшемъ уже заблужденіи при помощи умышленнаго искаженія фактовъ дѣйствительности.

Это опредѣленіе мошенничества соотвѣтствуетъ содержанию ст. 591 уголовного уложенія и тѣмъ признакамъ, которыми редакторы уложенія характеризуютъ понятіе наказуемаго, „хищническаго“ обмана въ отличіе его отъ другихъ обманныхъ дѣйствій.

Предметомъ мошенничества можетъ быть не только чужое движимое имущество *in concreto*, какъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ (ст. 1665 ул. о нак.), но также недвижимыя вещи и всякое вообще право, поскольку оно представляетъ имущественную цѣнность.

Съ внутренней стороны мошенничество требуетъ прямого умысла; въ дѣятельности виновнаго оно предполагаетъ корыстную цѣль, т. е. цѣль полученія противозаконной имущественной выгоды въ ущербъ потерпѣвшему.

Но самымъ характернымъ признакомъ мошенничества является его внѣшняя сторона, — обманъ, который означаетъ „умышленное искаженіе истины для введенія другого въ заблужденіе“ (Объясн. зап., с. 375). Содержаніемъ обмана должна быть область опредѣленныхъ фактовъ, т. е. явленій настоящаго или прошедшаго; область же будущаго, напр. ложныя обѣщанія, — не относится къ наказуемому обману. Равнымъ образомъ отъ него должны быть отличаемы завѣдомо невѣрныя сужденія о фактахъ, если только они не переходятъ въ ложное заявленіе о какомъ-либо конкретномъ предметѣ или качествѣ предмета ¹⁾. Факты, входящіе въ содержаніе наказуемаго обмана, должны быть существенными для

1) Объясн. зап., с. 376—7.

обманываемаго, т. е. способными вызвать у него представление объ обязанности или выгоды передать имущество виновному¹⁾. Формы обмана могутъ быть такъ же разнообразны, какъ разнообразно проявленіе лжи въ человѣческихъ отношеніяхъ: слово, письмо, печать, условные знаки, „конклюдентныя дѣйствія“ — все это въ тѣхъ или иныхъ комбинаціяхъ можетъ служить внѣшнимъ покровомъ для обмана²⁾. Для наличности наказуемаго обмана необходимо возбужденіе или укрѣпленіе виновнымъ ошибки въ другомъ лицѣ; пользованіе же чужой ошибкой, непрекращеніе виновнымъ заблужденія стоитъ внѣ сферы уголовного обмана. Но возбужденіе или укрѣпленіе въ другомъ ошибочныхъ представлений можетъ быть совершено всевозможными способами, не исключая и молчанья въ томъ случаѣ, когда для виновнаго существовала юридическая обязанность говорить, обусловленная предшествующимъ его поведеніемъ. — Устанавливая такое широкое понятіе наказуемаго обмана, редакторы уложенія категорически высказались противъ тѣхъ ограниченій обмана, которыя защищались въ литературѣ теоріями „нормальнаго и индивидуальнаго благоразумія“ и проникли въ нашу судебную практику въ видѣ требованія для торговыхъ обмановъ „особыхъ, тайныхъ приготовленій“³⁾.

Мошенничество предполагаетъ причинную связь между обманною дѣятельностью и заблужденіемъ лица, передающаго или уступающаго виновному имущество. Это заблужденіе должно быть дѣйствительнымъ, т. е. обманываемый не долженъ сознавать ложности сообщаемыхъ ему фактовъ; въ противномъ случаѣ, по мнѣнію редакторовъ уложенія, нѣтъ обмана, какъ способа мошенничества⁴⁾. Обманъ въ мошенничествѣ обыкновенно направляется на введеніе въ заблужденіе потерпѣвшаго, но къ послѣднему должно быть приравнено и всякое другое лицо, заступающее его мѣсто по распоряженію имуществомъ⁵⁾.

Стадія совершенія въ мошенничествѣ, какъ имуществен-

1) Объясн. зап., с. 381.

2) *ib.*, с. 378—9.

3) *ib.*, с. 382—3.

4) *ib.*, с. 380; Сергѣевскій, О мошенничествѣ, с. 397. Иначе — Фойницкій, Мошенничество, ч. II, с. 204, 223.

5) Объясн. зап., с. 385.

номъ посягательствѣ, характеризуется моментомъ причиненія имущественнаго ущерба. Имущественному ущербу потерпѣвшаго должна соотвѣтствовать имущественная прибыль на сторонѣ виновнаго. Объ имущественномъ ущербѣ, а, слѣдовательно, и мошенничествѣ не можетъ быть рѣчи въ томъ случаѣ, когда виновный, получивъ обманнымъ путемъ чужое имущество, уплатилъ потерпѣвшему полный эквивалентъ за отчужденное имущество¹⁾. Стадія покушенія начинается съ момента примѣненія виновнымъ обманной дѣятельности въ намѣреніи возбудить или укрѣпить въ другомъ ошибку для приобрѣтенія чужого имущества.

Въ отношеніи наказуемости уложеніе различаетъ простое мошенничество, караемое тюрьмою, легкое и квалифицированное. Мошенничество признается легкимъ въ томъ случаѣ, если ущербъ не превышаетъ 50 коп., или когда виновный, до постановленія приговора, добровольно возвратилъ имущество или инымъ способомъ удовлетворилъ потерпѣвшаго; оно влечетъ тюремное заключеніе не свыше 6 мѣсяцевъ. Къ квалифицированному принадлежитъ мошенничество на сумму свыше 500 руб., а также мошенничество, учиненное посредствомъ присвоенія officialнаго положенія или власти, шайкою и въ рецидивѣ; наказаніе — исправительный домъ и каторга, въ случаѣ многократнаго рецидива (ст. 591, 595—97 уг. ул.).

Къ особннымъ видамъ мошенничества по уголовному уложенію относятся — сбытъ предмета подъ видомъ запрещеннаго уголовнымъ закономъ къ обращенію или подъ видомъ добытаго преступнымъ дѣяніемъ (ст. 592), обманы при продажѣ и залогѣ недвижимости (ст. 593) и страховой обманъ (ст. 594, 598).

Наказуемость обмановъ въ области запрещенныхъ сдѣлокъ впервые установлена въ дѣйствующемъ уложеніи (ст. 167¹⁾ закономъ 1893 г., постановленія котораго съ небольшими измѣненіями перешли и въ новое уголовное уложеніе. Особенность этого вида мошенничества заключается въ характерѣ обманной дѣятельности — „сбытъ“ означенныхъ предметовъ. Въ понятіе сбыта входитъ всякая вообще сдѣлка о куплѣ-продажѣ, передачѣ или уступкѣ такого

1) Объясн. зап., с. 387.

рода предметовъ. Для состава преступленія необходимо возбужденіе или укрѣпленіе въ обманываемомъ ошибочнаго представленія о томъ, что за извѣстную плату онъ пріобрѣтаетъ вещи, запрещенныя уголовнымъ закономъ къ обращенію или добытыя преступленіемъ. Дѣяніе признается оконченнымъ съ момента полученія виновнымъ условленной платы сполна или частью. Наказаніе — тюрьма на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ; при этомъ полученное виновнымъ имущество конфискуется или съ виновнаго взыскивается соотвѣтствующая сумма.

Усиленная наказуемость обмановъ по недвижимости вызывается, по мнѣнію редакторовъ уложенія, особою опасностью этихъ дѣяній для экономическаго оборота, безпомощнымъ положеніемъ обманываемаго, который до повсемѣстнаго введенія у насъ ипотечной системы, вынужденъ бываетъ почти всецѣло полагаться на заявленіе своего контрагента относительно имущества, — наконецъ, характеромъ дѣятельности виновнаго, прибѣгающаго нерѣдко къ тяжкимъ способамъ обмана ¹⁾. Къ договорнымъ обманамъ, по ст. 592 уложенія, принадлежатъ — продажа или залогъ: 1) чужого недвижимаго имущества виновнымъ, не имѣвшимъ на это права, 2) вымышленнаго имущества и 3) имущества, находящагося подъ запрещеніемъ или обремененнаго обязательствомъ, съ сокрытіемъ этого обстоятельства во вредъ покупщику или залогопринимателю. Наказаніе — исправительный домъ. Оконченнымъ дѣяніе признается съ момента заключенія въ установленномъ порядкѣ договора о продажѣ или залогѣ недвижимаго имущества. Стадія покушенія начинается съ того момента, когда обманутый приступилъ къ заключенію одного изъ предусмотрѣнныхъ уложеніемъ договоровъ.

Конструкція страхового обмана въ уголовномъ уложеніи представляетъ значительный прогрессъ по сравненію съ соотвѣтствующими постановленіями дѣйствующаго законодательства, лишенными какой-либо объединяющей идеи и беспорядочно разбросанными въ различныхъ мѣстахъ Улож. о нак. Основаніе квалификаціи этого рода обмановъ, по мнѣнію редакторовъ уложенія, заключается въ характерѣ отношеній между страхователемъ и страховщикомъ въ моментъ испол-

1) Объясн. зап., с. 397—8.

ненія страхового договора, когда страховщикъ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ его контрагентъ и нуждается въ дополнительной защитѣ своихъ интересовъ ¹⁾. Страховой обманъ предполагаетъ полученіе по предъявленному требованію страховой суммы за застрахованное имущество, если 1) поврежденія завѣдомо для виновнаго не было, или 2) онъ скрылъ, что имущество повреждено отъ причины, лишившей его страховой суммы. Наказаніе — исправительный домъ. Стадія совершенія характеризуется полученіемъ виновнымъ завѣдомо не слѣдовавшей ему страховой суммы; покушеніе начинается съ момента обманныхъ дѣйствій по отношенію къ страховому установленію. — Приготовительная дѣятельность къ страховому мошенничеству разсматривается уложеніемъ въ качествѣ особаго преступленія (ст. 598), состоящаго въ поврежденіи посредствомъ поджога, взрыва или потопленія застрахованнаго имущества съ цѣлью полученія страховой суммы. Наказаніе — тюремное заключеніе, если виновный не подлежитъ болѣе строгой отвѣтственности за учиненное поврежденіе; покушеніе — наказуемо. Субъектомъ этого дѣянія можетъ быть только собственникъ застрахованнаго имущества, или лицо, дѣйствующее по его порученію. Предметомъ является застрахованное имущество; оно должно быть повреждено посредствомъ огня, потопленія или взрыва съ цѣлью полученія страховой суммы; при этомъ поврежденіе должно быть настолько значительнымъ, чтобы имъ открывалось для виновнаго право требовать страховую сумму.

Таково положеніе мошенничества въ новомъ уголовномъ уложеніи.

При выработкѣ конструкціи мошенничества редакторы уложенія отнюдь не руководились какимъ-либо высшимъ уголовно-политическимъ началомъ; на первомъ планѣ для нихъ стояли интересы примѣнителей закона, потребности судебной практики. Собравъ въ одну главу о мошенничествѣ разрозненныя постановленія объ имущественныхъ обманахъ дѣйствующаго законодательства, составители уложенія произвели болѣе или менѣе удачно „внѣшнюю реформу“ въ этой области

1) Объясн. зап., с. 402.

нашего законодательства, и этимъ, главнымъ образомъ, ограничилась ихъ задача. Принятое ими дѣленіе мошенничества на три категоріи, несостоятельное ни теоретически, ни практически, по существу является лишь воспроизведеніемъ въ улучшенномъ видѣ неудачной системы дѣйствующаго законодательства. вмѣсто общаго одинаго опредѣленія мошенничества, какъ выраженія высшей ступени законодательнаго синтеза, въ уголовномъ уложеніи все еще идетъ рѣчь о пресловутыхъ „обмѣрахъ“ и „обвѣсахъ“, о „похищеніи“ посредствомъ обмана движимости, о договорныхъ обманахъ. Недалеко отъ дѣйствующаго законодательства ушла и редакціонная сторона опредѣленія мошенничества въ новомъ уложеніи: здѣсь остались таже терминологія, тоже много-словіе, которыми характеризуется наше архаическое уложеніе о наказаніяхъ. — Такимъ образомъ, процессъ обобщенія имущественныхъ обмановъ не можетъ считаться вполне законченнымъ въ уголовномъ уложеніи. Будущему законодательству предстоитъ сдѣлать послѣдній шагъ на этомъ пути посредствомъ установленія одинаго абстрактнаго опредѣленія мошенничества. — Но уголовное уложеніе 1903 г., успѣвшее преждевременно состариться, не можетъ быть долговѣчнымъ, и въ уголовномъ кодексѣ, который, вѣроятно, скоро явится ему на смѣну, мы вправѣ ожидать конструкціи мошенничества, свободной отъ недостатковъ „новаго“ уголовного уложенія

Дм. Червонецкій.

25
15

IV Q6 753

i47357496